ОТЕЧЕСТВО

Цитадель над Березиной

Бобруйская крепость, некогда могущественная и неприступная, устрашившая самого Наполеона, нынешним летом отмечает свое 200-летие

Многие поколения бобруйчан почему-то связывали историю Бобруйской крепости с императрицей Екатериной II, даже называли крепость Екатерининской. На самом деле Екатерина II к истории крепости имела лишь косвенное отношение.

В последние годы царствования во время поездок по Беларуси она действительно обратила свое внимание на удачное размещение Бобруйска для защиты земель, присоединенных к империи после второго раздела Речи Посполитой. При Екатерине Бобруйск получил статус уездного города, свой герб, по указу императрицы он стал перевалочной базой русской армии. В екатерининские времена на территории сегодняшней крепости началось строительство казарм, госпиталя и цейхгауза.

Однако строительство Бобруйской крепости как таковой началось только при Александре I, который одобрил это место для возведения одной из шести цитаделей в линии обороны, проходившей от Прибалтики до Украины. А собственно место строительства в самом Бобруйске для будущей фортеции определил и указал поручик Теодор Остик-Нарбут (Федор Ефимович), в начале февраля 1910 года командированный в район Старого Быхова – Рогачева – Бобруйска для этих целей. Он же и стал автором первоначального плана строительства крепости на Березине.

Согласно ему, Бобруйская крепость, которую предлагалось разместить на правом берегу реки Березины, неподалеку от устья речушки Бобруйки, должна была стать самой сильной в Европе. Общая протяженность всех оборотных фронтов крепости, состоящей из семи полигонов и прибрежного фронта, южная часть которого именовалась восьмым полигоном, составляла около 3,8 километра. Внутренняя часть крепости также имела солидные размеры (около 110-120 га), причем на ее территории планировалось построить более 250 жилых домов. План Нарбута предусматривал строительство специальных склепов под крепостными сооружениями, а также особых подземных галерей, через которые войска из крепости могли быстро выбраться за крепостной вал и напасть на неприятеля.

Архивные документы сохранили даже точную дату начала земляных работ: 4 июня 1810 года. К 1295 рабочим присоединились 12 батальонов из резервной армии генерала Милорадовича. На строительство привлекались крепостные крестьяне из трех губерний: Могилевской, Минской и Черниговской.

ФОТО ФЕДОРА ПРОКОПОВА

Укрепление в набережной части города

Первым руководителем работ по строительству крепости был назначен инженер – генерал-майор Г.Е. Фелькерзам, затем с января 1811 года – полковник С.С. Федоров. Работы велись очень быстро. К лету 1811 года императорским указом Бобруйской крепости присваивается статус первоклассной, а еще через год, к сентябрю 1812 года, крепость в основном была построена. На крепостных укреплениях разместились 330 пушек разных калибров, запасы боеприпасов были рассчитаны на год, питания – на полгода…

Пятибастионная цитадель сыграла значительную роль уже в войне 1812 года. За ее могучими стенами смогла укрыться, отдохнуть и пополнить боезапас армия под командованием Багратиона. Французы вынуждены были удерживать под Бобруйском целый осадный корпус – более 12 тысяч человек. К тому же Наполеон всегда помнил, что в тылу у него остался непокоренный форпост русских войск, поэтому и отступал из Москвы по Старой Смоленской дороге, учитывая, что вблизи Бобруйска французские войска без боя пройти не смогли бы.

Помнит старая крепость и события мая 1823 года, когда в Бобруйске состоялась первая попытка дворянской революции, ставившей целью государственный переворот. План разработали руководители Васильковской управы Южного общества декабристов. Но заговор не удался… Позже в стенах Бобруйской крепости содержались многие декабристы.

В начале 40-х годов XIX века бобруйская твердыня считается одной из лучших цитаделей в Европе. Ее строительство обошлось Российской империи во весьма внушительные суммы. Только при Николае II на строительство бобруйских укреплений было истрачено около семи миллионов рублей.

В 1868 году бобруйскую цитадель перевели с первого класса обороноспособности во второй, так как к тому времени она оказалась уже вдалеке от западных рубежей державы. С 1886 года в крепостных бастионах размещаются склады, а с 1897 года захиревшая крепость как стратегическая единица ликвидируется вовсе. Но ее история на этом не заканчивается. Стены крепости до сих пор хранят память о томившихся здесь петрашевцах – Медведеве и Тимковском, о восстании солдат дисциплинарного батальона в 1905 году, о том, как в октябре 1917-го гарнизон крепости перешел на сторону большевиков. Крепость помнит и фашистский лагерь смерти, в котором погибли около сорока тысяч человек. И, конечно же, июнь 1944-го, когда здесь был окружен и уничтожен целый гитлеровский гарнизон.

Были в истории некогда грозной крепости и свои курьезы. Например, перед Первой мировой войной известный фабрикант Савва Морозов предложил правительству… продать ему крепость. У Саввы Морозова на сей счет был заготовлен план переустройства крепостных бастионов... в цеха и склады текстильной фабрики, которая, по его замыслам, могла бы конкурировать с крупнейшими мануфактурными предприятиями Лодзи. Но правительство оценило крепость, которую до этого оно посчитало уже ненужной, в баснословную сумму – четыре миллиона рублей. Сделка не состоялась.

В истории крепости советского периода тоже были разные времена. Так, постановлением Совета министров Белорусской ССР от 18 мая 1953 года она включается в список памятников архитектуры БССР, подлежащих государственной охране. А через восемь лет постановление Совета министров Белорусской ССР от 20 сентября 1961 года исключает Бобруйскую крепость из этого списка. В приложении к постановлению оговаривается, что «в годы войны объекты крепости получили большие разрушения. Многие из них снесены, другие сильно перестроены». В 60-е и 70-е годы минувшего столетия строения крепости нещадно разрушались советскими военными, размещавшимися на ее территории. Старожилы рассказывают, что красный крепостной кирпич вывозился даже в Москву и Подмосковье для строительства генеральских дач. Редюиты, которые не попали в список подлежащих разрушению, военные использовали для подсобного хозяйства, в них были устроены свинарники…

В 2002 году правительство уже суверенной Беларуси вносит памятник истории и архитектуры «Бобруйская крепость» в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь, отнеся его к ценностям республиканского значения.

Крепость, а точнее ее часть, планируется восстановить. В первую очередь это касается III полигона, прилегающего к недавно построенной «Бобруйск-Арене». Проектными работами занимается ОАО «Проектреставрация», специалисты компании сегодня изучают старинные чертежи и документы, сохранившиеся в архивах Москвы, которые помогут восстановлению разрушенных сооружений.

Ольга ЧИРУК

СУДЬБА

Куда Марк пришагал…

О последнем приюте и последних днях самого известного белоруса Франции

Он много раз уезжал за рубеж, много раз и возвращался. И все-таки эмиграция была неизбежным итогом. «Уеду куда угодно: в Голландию, на юг Италии, в Прованс – и скажу, разрывая на себе одежды: «Родные мои, вы же видели, я к вам вернулся. Но мне здесь плохо. Единственное мое желание – работать, писать картины. Ни царской России, ни советской России я не нужен. Меня не понимают, я здесь чужой. Зато Рембрандт уж точно меня любит».

Так писал Марк Шагал в своей книге «Моя жизнь». Стремление к эмиграции было абсолютно обоснованным: непонятный, непринятый мастер, который желал одного – творить. Долгожданным, но последним приютом, где он, в конце концов, обрел покой и свободу, стал тихий старинный городок на юго-востоке Франции – Сен-Поль-де-Ванс.

Раскинувшийся на вершине скалы, в окружении апельсиновых долин и виноградников Сен-Поль-де-Ванс – город сказочный: с типичными башнями, шпилями, мощной крепостной стеной. Он словно был призван стать вечным приютом для беглецов. Одни бежали от захватчиков, другие – за вдохновением, а кто-то – за покоем и свободой. В определенном смысле беглецам и обязан Сен-Поль-де-Ванс своим появлением: в начале VIII века, устав от постоянных набегов сарацинов, жители средиземноморского побережья ушли выше, в горы, где и основали поселение, которое позже превратилось в форпост на юге Франции. Тихий городок, история которого уходит в глубокое Средневековье, мог бы остаться незамеченным и жить своей неприметной жизнью, как и многие другие городки, разбросанные по средиземноморским берегам, одинаково усеянные красными терракотовыми крышами. Но известность пришла к нему в XX веке, когда сюда зачастили столичные художники, со временем превратившие Сен-Поль-де-Ванс в культовое место для любителей искусства. Модильяни и Пикассо, Синьяк и Боннар и многие другие останавливались в местном отеле «Золотая голубка»: зачастую платой за ночлег и питание далеко не богатых мастеров живописи становились их полотна. Сегодня владелец отеля может похвастаться завидной коллекцией картин великих художников XX столетия.

И этот же живописный городок стал последним пристанищем самого известного белоруса во Франции – художника Марка Шагала.

Он родился в местечке Лиозно, под Витебском, где в основном жила еврейская беднота. Повседневная жизнь Витебска станет одной из главных тем его творчества. Неповторимые образы обитателей белорусской глубинки он пронесет в памяти до конца своих дней и постоянно будет возрождать эти лица и

ФОТО WWW.BRITANNICA.COM

до боли знакомые пейзажи на своих полотнах. Образ малой родины и ее жителей не оставляют его и в Париже: художник живет в великом городе, а мысли его по-прежнему на тихих улицах, по которым бегают босоногие дети, пестрые куры и раздается колокольный звон.

Франция стала для него второй родиной. Но отношения с ней – это череда уходов и возвращений. В разное время разные причины побуждали художника приезжать в эту страну и покидать ее. С 1937 года Шагал – гражданин Франции. Окончательно он обосновался здесь в 1947 году. Именно здесь в послевоенные годы уроженец Витебска приобретает поистине мировую славу. Он удостаивается многих почетных премий и наград, становится кавалером ордена Почетного легиона. В Лувре сооружается специальный павильон для показа его витражей, которые он создает для соборов и синагог. Бесконечные выставки по всей Европе. Чтобы перечислить все, что делает талантливый белорусский художник во Франции, не хватит и огромной книги. Наконец, он удостоен небывалой чести: по заказу президента республики Шарля де Голля он расписывает плафон для Парижской оперы. 23 сентября в присутствии министра культуры и многочисленных гостей проект был представлен, и вот как описал это событие парижский корреспондент «Нью-Йорк таймс»: «...в честь Шагала оркестр исполнил «Симфонию Юпитера» Моцарта, любимого композитора Шагала. Во время двух последних тактов люстра зажглась, осветив работу художника во всей красе, под восторженные аплодисменты публики. После этого даже ярые противники среди комиссии замолчали...»

Во Франции 65-летний Шагал женится на Валентине Бродской, дочери фабриканта, эмигрировавшего из России после революции. Но ни одного ее портрета он не напишет: единственной музой навсегда останется первая жена – Белла, чей облик неотделим от воспоминаний о родном Витебске. До конца своих дней Шагал отказывался говорить о Белле как об умершей.

В Сен-Поль-де-Вансе у Шагала собственная мастерская, в которой есть только один творец и хозяин – он сам. Его творческой энергии можно позавидовать: он один работает, как целая мастерская художников. Религиозная тематика преобладала в его творчестве позднего периода. Он создает 17 полотен, на которых изображает библейские сюжеты. Современники вспоминали: верным инструментом в его работе было электрическое кресло, которое поднимало мастера, что позволяло дотянуться до верхних углов огромных полотен. Так каждый день он поднимался от нижних краев картины, где молились изображенные им падшие ниц ветхозаветные герои, к ее вершинам, где парили ангелы.

Эти картины вошли в цикл «Библейские образы». В 1973-м, в день 86-летия мастера, в Ницце открылся Национальный музей Библейского послания Марка Шагала, где сегодня хранятся знаменитые творения мастера.

99-й год жизни станет для него последним. Некогда гадалка предсказала ему: умрет в полете. Современники не раз проводили параллель с часто повторявшимся сюжетом его картин: автор и его муза, парящие над городом. Действительно, мистический образ Беллы, летящей над родным Витебском рядом с ним самим, жил в его памяти до последних секунд жизни. Но было и еще одно совпадение, абсолютно буквальное, земное. Шагал умер в лифте, в котором поднимался на второй этаж после тяжелого рабочего дня. Умер в полете, как и было предсказано.

Татьяна КУТАРЕНКОВА

НАЧИСТОТУ

«С улыбкой горькою…»

Об исторических заслугах и вине шестидесятников

На днях одному из «прорабов перестройки», известному критику и публицисту Андрею Нуйкину исполнилось 79. И надо ли удивляться, что в день рождения к нему пришел сын (Павел Нуйкин, член Союза писателей Москвы. – Прим. ред.) и попытался разговорить отца по ряду проблем, близких, хочется верить, не только им двоим.

Павел Нуйкин: 79-летие в категории юбилеев официально не значится. Это освобождает меня как интервьюера от необходимости тратить драгоценную площадь на всякого рода политес и выражение скрытых соболезнований в связи с почтенностью возраста юбиляра. Так что давай с суровой мужской прямотой сосредоточимся на деловой стороне отчетного периода. С какого события мы начнем отсчет? С начала перестройки?

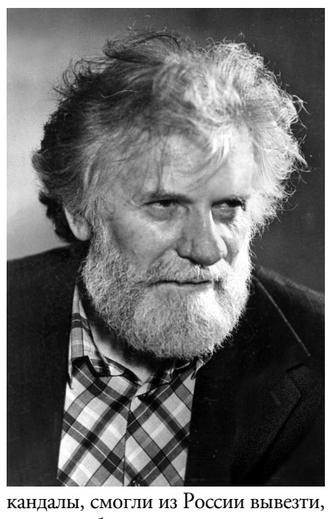
Андрей Нуйкин: Ну если отчитываться не только за себя лично, а за что-то исторически значимое, то есть смысл начинать не с Горбачева, а с Твардовского. Именно вокруг его «Нового мира» начала сплачиваться та когорта единомышленников, которую позже назвали шестидесятниками. Я горд, что имею некоторое отношение к этой славной когорте, хотя вкуса победы ей испытать так и не довелось, а всякого рода Галковские оплевали ее до такой степени, что под иссеченными пулями и осколками новомировскими знаменами в последние годы устало вели оборону считанные единицы, остальные – кто отошел в мир иной, кто бежал от политики, а большая часть, увы, переметнулась к победителям – в стан «ликующих, праздно болтающих», и прежде всего, конечно, – в ряды самых ликующих среди праздно болтающих. Я имею в виду диссидентов перестроечного разлива.

П.Н: А разве диссиденты не вышли из шестидесятничества, явив собой при этом высший, самый радикальный тип и этап борьбы с тоталитаризмом?

А.Н: Ни в коем случае. Разумеется, если шестидесятников не по году рождения вычислять, а диссидентов не по прописке в паспорте. Тут до сущности жизненной и политической позиции каждого надо докапываться. Шестидесятник болеет за свою страну, свой народ, он борец за оздоровление своего общества и государства. Того, в котором он родился и хлеб которого ел. Диссидент же (в типологическом смысле этого слова) не за их возрождение и оздоровление кипятится, а ради их поношения и разрушения, за «до основанья, а затем…» «До основанья» они старательно реализуют уже не одно десятилетие, а «затем» им грезится как роскошное житье-бытье на те средства, которые им уже выдали частями через разные западные фонды…

П.Н: Прости, но что-то не верится, что Сахаров или Солженицын шли на свой крест из-за сребреников. Не перепутал ли ты библейские персонажи?

А.Н: Ну какие же они диссиденты! Солженицына, только заковав в



кандалы, смогли из России вывезти, но и за рубежом он оставался гражданином своей страны. Как и Сахаров научными разработками отнюдь не врагам страны своей служил, тем паче не строчил он никогда на нее доносы и даже в ссылке не поносил Россию, а активно пытался преобразовать ее в пригодную для нормальной жизни.

П.Н: Очень, похоже, тебя чем-то достали эти диссиденты?

А.Н: Не больше, чем многие другие «боевые» отряды нашей прославленной в веках интеллигенции. Просто они первыми осознали удобство быть в «непримиримой оппозиции» не к чему-то или к кому-то конкретному, не во имя чего-то определенного, а просто «в оппозиции». Ко всему, что происходит в их вроде бы еще стране. И на самом деле – чем не малина? Ты (в курортных условиях нынешней вседозволенности) ничем не рискуешь, ни за что не отвечаешь (потому что ничего реально не делаешь), а при этом чувствуешь себя героем, борцом за высокую идею, мучеником и страстотерпцем. А какие возможности для политического рэкета! Ни в сказке сказать, ни пером описать, разве что на счетах подсчитать! Неудивительно, что следом за бесстрашными борцами с тем режимом, который уже в 1991 году сошел со сцены, к этой синекуре устремились толпы круглосуточно (без выходных и отпусков) на что-то разгневанных правозащитников и даже, казалось бы, вполне прочно впаянных в новую власть политиков. Что ж, страна наша, несмотря на их старания, все еще, как писалось в летописях, велика и обильна – прокормит! Тем паче что и из менее «великих» им, не скупясь, подбрасывают «детишкам на молочишко».

П.Н: Юпитер, ты сердишься и, надеюсь, помнишь, что это означает?

А.Н: Существуют на эти случаи и другие крылатые выражения. Например, про тех, кто постоянно ясен. Хотя, конечно, на ясное, жизнерадостное лицо смотреть приятнее, чем на хмурое и озабоченное. И к тому же… Ты ведь требовал, чтобы я отчитался за наше поколение шестидесятников. А чему же при таком отчете радоваться, если идеи, которые оно отстаивало, потерпели тяжелое поражение. Вспомним: первое организованное демократическое движение зарождалось в СССР под лозунгами борьбы за «социализм с человеческим лицом». За консервацию «преступного режима» оно таким образом выступало? Отнюдь. Социализм к тому времени, по твердым заверениям партийного руководства страны, был у нас уже полностью построен, так что борьба шла, получается, исключительно за «человеческое лицо». И, право слово, кое-чего нам в этом смысле добиться удалось. Достаточно вглядеться в лицо хотя бы А.Н. Яковлева: с таким вот лицом уже оказалось позволительно быть членом Политбюро! Сама перестройка смогла состояться только на волне стремительного роста популярности идеи «очеловечивания». И тут самые очеловечившиеся из интеллигентов сделали сразу несколько эпохальных открытий: а) социализм-то – фикция! б) его нельзя построить! в) и не нужно его строить!.. Со всем этим мы, шестидесятники, не очень-то и спорили, поскольку нас интересовало в основном именно «очеловечивание», но… С этого момента почему-то именно о человеческом лице стало заботиться необязательным. В итоге те, кто с азартом начал строить капитализм, все внимание сосредоточили не на его лице, а на своих карманах и брюхе.

П.Н: Но разве те же диссиденты не пеклись (и даже в первую очередь!) именно о человеческом лице?

А.Н: Вот именно – «пеклись». Но «в первую очередь» все-таки о том, насколько красиво сами они выглядят и хорошо ли их красота оценивается миром в валюте. А ведь чтобы общество обрело человеческое лицо, надо жизнь организовать по-человечески. Скотская жизнь такого лица не обеспечит, какие позы ни принимай и красивые лозунги ни декламируй!

П.Н: Не слишком ли мрачные мысли в день рождения? Что нам дают такие оценки, в чем помогают разобраться?

А.Н: Самая мрачная ситуация, если понять ее реальные причины и пути выхода, небезнадежна. И просто бесконечно описывать ужасы реформ – только сумятицу в мозги вносить и волю людей парализовать (для чего, похоже, это и делается). Да вот беда – само население наше все эти годы не очень-то рвется понимать, что с ним сделали и куда страна катится. Наверное, привыкло, что от него «все равно ничего не зависит», убеждено, что «много скорби есть в многознании», а в неведении жить куда комфортнее! Вспомним самые мрачные (тридцатые) годы. Бесправие, голод, террор, а народ… рвется ставить трудовые подвиги, ликует на демонстрациях, толпами устремляется в «Осоавиахим», хохочет до упаду над «Волга-Волгами» и верит, что все тяготы и жертвы окупятся сторицей, что СССР наперекор врагу построит-таки светлое здание коммунизма! Надо ли напоминать, что именно ждало советский народ вместо этого впереди? То-то же. Все тот же каторжный, почти даровой труд в колхозах и на «стройках коммунизма», кровавая мясорубка Отечественной, а в конечном счете – крах всех надежд, распад Великой державы и откат к дикому капитализму!

П.Н: Но ведь почти никто не рассматривает нынешние дикость и нищету как финал. Да, в начале тяжело. И должно быть тяжело. Но впереди – полноценная демократия, спасительный рынок, изобилие и реализация всех прописанных в Конституции свобод…

А.Н: Вот-вот, именно так советские люди и воспринимали чуть не сто лет свою «временную ситуацию»: да, сейчас нам трудно, плохо, но надо потерпеть, и «уже живущие ныне поколения советских людей»... Пока ничего другого народу не предлагается.

Зато очень жалко отечественных нуворишей. Еще бы! И техника-то им досталась изношенная, и налоги-то на них обрушили непосильные, и бандиты-то их по всем подвалам паяльниками пытают… Американский рабочий за один доллар зарплаты производит продукции на 1,75 доллара. Наш промышленник, отстегнув рабочему доллар зарплаты, получает продукции более чем на 4 доллара!

П.Н: Это что же получается, что у нас настолько выше производительность труда?

А.Н: Нет, к сожалению, не получается. Речь только о мере эксплуатации и растущей бездне между заработками одних и доходами других.

П.Н: Если подвести итоги сказанному, то объясни, как вступающим ныне в жизнь поколениям оценивать вашу «когорту шестидесятников», стоявшую, как ни крути, у истоков процессов, приведших к столь плачевным результатам? Или вам только казалось, что держите историю за вихор, а на самом деле от вас ничего всерьез не зависело?

А.Н: Зависело. Конечно, не так много, как представлялось тогда нам, молодым и горячим. Однако то, что народ перешел к полному разлому его жизни совершенно неподготовленным, без каких бы то ни было отчетливых представлений, как надо строить демократию и рынок, безусловно, виновата интеллигенция. Если, конечно, брать ее в целом (именно для таких случаев ей, думается, и даны интеллект, образование, знание истории). Ну а мы, шестидесятники, виноваты вдвойне. Шестидесятничество ведь стояло у истоков многих процессов, обретших позже столь «разрушительно-созидательную» мощь. Безусловно, многого просто невозможно было предугадать, но кое-что мы обязаны были осознать вовремя.